

НИКОЛАЙ СЕМЧЕНКО

---

# Граф Грей



Николай Семченко

**Граф Грей**

«Издательские решения»

## **Семченко Н. В.**

Граф Грей / Н. В. Семченко — «Издательские решения»,

Герои фантастического романа «Граф Грей», проводящие время в чате, попадают в странную историю, их ждут невероятные приключения. Каким-то образом виртуальная жизнь материализуется и влияет на реальность. Любовь, предательство, нежность и страсть — это и многое другое наполняет текст романа, который читается на одном дыхании. В конце концов герои романа понимают о жизни нечто очень важное. Такое, что вам и не снилось!

© Семченко Н. В.

© Издательские решения

# Граф Грей

## Николай Семченко

© Николай Семченко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

### Необходимое предисловие

Лет десять-пятнадцать назад чаты в Интернете только-только входили в моду, и «сидели» в них так же, как и теперь, люди самых разных возрастов, но в основном, конечно, молодёжь. Одним из самых популярных тогда был Хабаровский чат.

Граф Грей, Ночка, Киска, Миледи, Мэлс, Интер, Чёртик, Эн и другие персонажи этого чата стали теперь легендой. О них помнят, их уважают. Они были именно персонажами – с какой-то мифической биографией, допустим; со своей игрой, приколами, шутками-прибаутками.

Именно тогда автор начал писать в онлайн-режиме на «Прозе.Ру» этот текст. Участники чата могли читать написанное, давать советы (впрочем, автор, прочитав их, всё равно, упрямый, поступал по-своему). В рейтинге текстов «Прозы.Ру» текст занимал первые места, что указывало на то, что его читают и, возможно, он даже нравится читателям.

Написав роман, автор понял: главного героя в нём всё-таки нет, главные – все. И сам роман получился каким-то пунктирным. Кажется, немецкая писательница Анна Зегерс первой придумала такую форму: роман-пунктир. Автор лишь воспользовался её художественным открытием.

Считается, что известный сорт чая с бергамотом «Граф Грей» назван так в честь Чарльза Грея, 2-й графа Грея (даты жизни: [битая ссылка] 13 марта [битая ссылка] 1764 – [битая ссылка] 17 июля [битая ссылка] 1845) – видного британского политика от партии вигов, 26-го премьер-министра Соединенного королевства с 1830-го по 1834-й год. Он добился отмены работорговли в Британской империи. В 1832 году провёл крупную избирательную реформу, которая изменила лицо политической системы Великобритании. В 1834 году удалился на покой.

Продвижению Грея в партии вигов способствовал его роман с герцогиней Девонширской, что обыгрывается в фильме «Герцогиня».

Лорд Грей ежедневно обменивался письмами со своей возлюбленной Доротеей Ливен. Его вдова впоследствии предала эту переписку гласности.

Автору, однако, граф Грей представлялся эдаким авантюристом, который ходил в моря-океаны, высаживался на необитаемых островах, не ведал страха и стремился к горизонту... Может, в глубине души Чарльз Грей и был таким.

Есть несколько версий происхождения названия чая «Граф Грей». Согласно одной из них, английские мореходы спасли от смерти сына китайского мандарина, и, расчувствовавшись, знатный вельможа открыл премьер-министру Великобритании графу Грею тайну рецепта уникального ароматизированного чая. Есть альтернативная версия: Чарльз Грей не стал дожидаться милости от мандарина и хитростью выведал рецепт бергамотового чая, хранившийся в строгом секрете. Однако обе версии как-то не учитывают того обстоятельства, что черный чай с ароматом бергамота никогда не был традиционным китайским напитком.

Может, правдоподобнее такая версия. В сильный шторм на чайном клипере разбилась бочка с бергамотовым маслом, и ароматная жидкость разлилась по палубе, попав на всю партию чая. На удивление получилось вкусно! Есть ещё одна версия: будто бы граф Грей, который был заинтересован в поставках индийского чая, специально облил бергамотовым маслом

китайский чай. ОН думал, что таким образом дискредитирует чай из Поднебесной. Но, однако, на удивление всем получился ароматный и вкусный чай! чтобы дискредитировать его.

Есть и совсем неромантическая версия: чай с бергамотом называли так в честь известного политика из уважения к его заслугам.

Написав роман, автор положил его в стол. И благополучно забыл об этом. А недавно нашёл рукопись и подумал: «А почему бы её и не издать? Всё-таки в ней – история Хабаровского чата и её персонажей. Возможно, это будет интересно и тем, кто часто проводит время в различных современных чатах...»

Ну а теперь пора заварить чай «Граф Грей» и приступить к чтению...

*«Но до сего дня не дал вам Господь сердца, чтобы уразуметь, очей, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать. Да не будет среди вас корня, произрастающего яд и полынь, такого человека, который похвалялся бы в сердце своем, говоря: „Я буду счастлив, несмотря на то, что буду ходить по произволу сердца своего“, и пропадет таким образом сытый с голодным.»*  
(Втор., 24. 4, 18—19).

*«... суть в нашей душе, в нашей совести и в даянии зла. Это обаяние было бы необъяснимо, если бы зло не было озарено прекрасной и приятной внешностью».*

*(Из письма А. С. Пушкина к А. И. Тургеневу).*

1.

– Вы невыносимы, граф! – Маркиза, слегка пожав плечами, прикрыла веером лукавую улыбку. – Зачем вы так поступаете? Заинтригуете бедную несчастную девушку, дадите ей надежду, но в самый последний момент сошлётесь на какие-то важные дела и удалитесь, покачивая перьями на шляпе...

– Ах, что поделаешь, мадам! – притворно вздохнул граф и подкрутил кончики усов кверху. – Столько дел и забот, что – спаси, Аллах!

– Но неужели в вашем расписании не найдется крохотного «оконца», чтобы выпить чашечку кофе со мной? – Маркиза нетерпеливо топнула ножкой. – Между прочим, другие господа сами просят меня о свидании. А я, забыв гордость, так низко пала, что навязываюсь вам сама...

– Мадам, что вы творите? Ах, что за метаморфозы со мной приключились? И уши, и щеки полыхают уж огнем. Горю, и дыма нет! – воскликнул граф и демонстративно заломил руки. – Что прикажете делать, мадам, если эти растреклятые графские дела никогда не кончаются? Этикет не позволяет спихивать их на подданных. Деловые встречи, обязательные обеды с нужными людьми, фуршеты, презентации, брейк-кофе и прочее не оставляют времени на частную жизнь. Вам бы пожалеть меня, жестокосердная...

– В таком случае я предлагаю вам свои экскортные услуги, – побледнев от волнения, с некоторым усилием вымолвила Маркиза. – Я согласна быть при вас где угодно, лишь бы наконец..., – она запнулась, подыскивая нужные слова, но так и не найдя их, выпалила:

– Лишь бы выпить чашечку кофе в вашем очаровательном обществе!

– Извините меня, сударыня, – граф глухо кашлянул. – Я вынужден откланяться. Рога трубят, боевые знамена развеваются, мой нетерпеливый конь бьёт копытом землю...

– Вы всегда удаляетесь так стремительно, потому что не хотите дать конкретный ответ, – Маркиза надула губки, но, вспомнив о том, что граф может это увидеть, тут же воспользовалась веером: он прикрыл её лицо почти до глаз. – Однако я вас прощаю, вы такой гадкий, невыносимый, но невероятно очаровательный соблазнитель. До встречи!

– Не поминайте лихом!



– А где ваш поцелуй на прощанье?

– Он летит уж к вам быстрее лани! – граф небрежно приложил узкую ладонь к тонким, холодным губам и послал Маркизе воздушный поцелуй. – Я буду думать о вас...

Маркиза зачарованно наблюдала, как он легко и стремительно подошел к выходу и, обернувшись, изящно откинул голову и чуть насмешливо кивнул – нет, не только ей, а всем, кто оставался в зале. С Маркизой он всегда прощался персонально, и она не могла понять, за что ей оказывается такая честь – быть среди немногих, избранных самим графом.

– Прощайте, граф! – воскликнула она и помахала вслед ему полураскрытым веером. – Передавайте мой привет вашему другу...

Но он, как всегда, сделал вид, что не расслышал её последних слов и решительно захлопнул за собой дверь.

– Ах, я не рождена для счастья, – горестно шепнула Маркиза и смахнула с ресницы нечаянную слезинку. – Есть творения, которых природа создает только затем, чтобы обрушивать на них несчастье за несчастьем. Они служат ей для опытов по определению предела человеческой выносливости. Но меня испытывают слишком долго и упорно...

– Маркиза, все не могут претендовать на равное счастье, – шепнул вдруг чей-то тонкий голосок. – Уравниловка – это самое скучное, что только можно придумать. На самом ли деле вы хотите обладать причитающейся вам долей счастья – ровно такой, как и у остальных: ни больше – ни меньше ни на йоту? В обществе поголовного счастья не скучно б стало вам, Маркиза?

Она сразу поняла, что в комнату вошел тот, кому она только что передала привет через графа Грея. Вот только он вошел не под своим именем: он был Инкогнито. Однако его речь невозможно спутать ни с чьей: он всегда говорил правильно, будто сверяясь со словарями: ни одной ошибки, никакого сленга, принятого среди молодёжи, и, что самое главное, – этот человек изящно и тонко искушал своими вопросами. Ну, конечно же, конечно, это был сам Дьяволенок, закрывший свое лицо другой маской. Но, впрочем, Маркиза не совсем в том была уверена и поэтому решила сделать вид, что ни о чем не догадалась.

– Привет! – недогадливая девушка Маркиза простодушно сделала реверанс. – Господин Инкогнито, печалюсь единственно о том, что стоит мне скопить несколько крупинок счастья, как бурный водоворот жизни тут же и смывает их с ладошки...

– А разве вы не догадываетесь, что ладонь с этими крупинками нужно крепко сжать? – улыбнулся Инкогнито. – Кроме водоворота, существует ещё ветер. Его крепкий порыв обламывает верхушки столетних деревьев и перекатывает камни-валуны, что уж говорить о каких-то крупинках? Их вообще лучше хранить в шкатулке...

– Вашими бы устами да мед пить, – Маркиза кокетливо шевельнула веером и томно вздохнула. – Ну, такая вот я недогадливая девушка...

– Однако наличие шкатулки вы не отрицаете, – усмехнулся Инкогнито. – И что же вы в ней держите, извините за нескромный вопрос?

– Всякие миленькие пустячки: например, засушенную желтую розу, подаренную неким Дьяволенком, – Маркиза потупила лукаво сверкнувшие глаза, – пару любовных записочек, несколько визитных карточек и перышко птички обломинго...

– Вам удалось-таки ухватить эту несносную птичку за хвостик? – Инкогнито рассмеялся. – Обычно она обламывает даже самого ловкого птицелова и, не задерживаясь, улетает. Высоко летит, далеко глядит...

Маркиза растерялась. Ей вовсе не хотелось рассказывать собеседнику о том, что намерении она почти что познакомилась с Дьяволенком. Регулярно являясь миру, он, тем не менее, оставался для всех личностью загадочной и таинственной. Лишь граф Грей каким-то образом умудрился с ним познакомиться, и они вдвоем иногда пили пиво в летнем кафе под зонтиками

у театра музыкальной комедии. Но об этом, впрочем, тоже мало кто знал. О месте их традиционного пивопития Маркиза провела случайно

В тот день граф Грей так же мимо болтал с ней обо всем и ни о чём. Вдруг вошел Дьяволенок и, не обращая ни на кого внимания, произнес как бы в пространство:

– Жажда мучит. Через двадцать минут конец рабочего дня. Граф, ты не собираешься отбыть в спасительную тень дивной Мельпомены?

Под тень той самой дамы, что вначале считалась музой всех песен подряд, а потом – только печальных? – пряча ироничную улыбку в усы, уточнил граф. – Короче, в обычном месте?

– Там, где Мельпомены бурной протяжный раздается вой, где машет мантией мишурной она пред хладною толпой, – Дьяволенок медленно и важно произнес строки из «Евгения Онегина» и, довольный произведенным впечатлением, нетерпеливо спросил:

– Ну, так ты собираешься?

– Еще как собираюсь! – живо откликнулся граф Грей. – У меня кондиционер вышел из строя: сижу тут, как мокрая мышь. А под Мельпоменой – свежий ветерок, холодное пиво и классный сок помидоров без соли...

– Идем?

– Да, прямо сейчас и идем, – сказал граф. – Если придешь раньше меня, возьми бутылочку «Эфеса». Чтоб я сразу к ней припал!

Маркиза была дамой начитанной и, конечно, сразу сообразила, что речь идет о музе трагедии, почему-то изображенной на стене театра музыкальной комедии. Это был барельеф высокой женщины со строфием на голове, в венке из виноградных листьев и в мантии, ниспадающей на котурны. В одной руке Мельпомена держала трагическую маску, в другой – меч.

Видимо, скульптор посчитал, что муза трагического театра вполне может покровительствовать и театру музыкальному. Но в этом заведении очень любили кордебалет и всякие фривольные куплетники (что, кстати, и публике нравилось тоже), так что вполне уместным было бы изображение Терпсихоры – этой вечно юной танцовщицы с лирой в руке. Ну, и в паре с ней можно было бы поставить Каллиопу – старшую из девяти муз, имеющую прекрасный голос. Но вне конкуренции на это место была, конечно, сама Талия – муза комедии. Одета так же легко, как нынешние девушки, она неплохо бы смотрелась на фронтоне театра с комической маской в левой руке и звонким бубном – в правой. «Уматная гёрла, – сказала бы по этому поводу Дарлинг, одна из приятельниц Маркизы. – Полный отпад!»

Впрочем, как считала просвещенная Маркиза, на этом храме непонятно какого искусства можно было бы изобразить всех театральных муз. Скульптор, однако, поименно их не знал и ограничился одной. Что, кстати, изрядно веселило студентов-первокурсников педагогического института, расположенного неподалеку от этого театра. Принимаясь за штудирование древнегреческих мифов, которые входили в учебную программу, они обнаруживали дилетантизм довольно-таки известного мастера, но профессор античной литературы, нахмутив белевые бровки, остужал их пыл: «Театр возводили в самый пик застоя, и тогда была принята совсем другая символика. Это ещё счастье, что в трудах Леонида Ильича не нашли скольнибудь подходящей цитаты, а то вместо барельефа Мельпомены красовалось бы изречение бровеносца...»

Маркиза, кстати, как раз и училась в том пединституте. Ни она, ни её однокурсники и ведать не ведали о нравах эпохи застоя. Она была для них уже историей.

Впрочем, Маркизу больше занимала совсем другая история. И она была связана с Дьяволенком.

Откуда, как и когда он появился – этого никто не помнил. Всем казалось, что Дьяволенок был всегда. В любое время года он входил в комнату для бесед в одной и той же одежке: легкие шортики, линялая футболка, кроссовки фирмы «Адидас».

– Тому, кто носит «Адидас», любая баба даст! – нагло ржал поручик Ржевский.

– Ага, если они – настоящие, фирменные, – соглашался Дьяволенок и, скромно вздохнув, опускал глаза на свои кроссовки. – А эти сделаны в Таиланде. Самопал!

– Но ты сам-то не самопальный дьяволенок, а? – ехидно допытывался темпераментный Айс. – Можно с тобой скорешиться? Когда придет пора отправляться мне в ад, обеспечишь по благу местечко получше?

– И мне, и мне местечко! – канючила знойная Ночка. – Хочу рядом с Истом стоять в аду!

– Господа, я наводил справки и выяснил: стоячие места забронированы до 2045 года включительно, – встревал в разговор всезнающий Доцент. – Остались лишь лежащие, причем исключительно на раскаленной сковородке...

– Поразительная осведомленность, – удивлялся Дьяволенок. – Надо предупредить службу адской безопасности: пусть изучат каналы утечки важной служебной информации...

Когда Дьяволенок появлялся в комнате, Маркиза делала вид, что теряет дар речи, и это при том, что лезть в карман за словом ей обычно не приходилось. Ну, нравился он ей, нравился!

Она почему-то решила, что Дьяволенок – симпатичный, вполне партикулярный молодой человек из приличной семьи, хорошо устроенный в жизни и не знающий, что это такое: перехватить десятку-другую до зарплаты. По крайней мере, в разговорах он постоянно упоминал самые изысканные и дорогие кафе, билиардные, дискотеки, и курил сигареты с угольным фильтром, и не понимал, как можно пить поддельную водку, если в супермаркетах есть «Флагман» и «Смирнофф». А ещё он читал всякие умные книги, и постоянно ссылаясь в разговорах на философов, известных писателей, поэтов и журналистов.

Маркиза была просто очарована Дьяволенком, и он, кажется, догадывался об этом, но ровным счетом ничего не предпринимал, чтобы познакомиться с ней ближе. Так что первый шаг пришлось делать ей самой.

Поскольку Маркиза знала графа в лицо и даже была ему представлена, то, оказавшись под Мельпоменой, она надеялась привлечь его внимание и таким образом оказаться в их компании. Волей-неволей Дьяволенок вынужден будет познакомиться с ней и, может быть, она даже ему понравится. На Маркизе в тот день, кстати, была легкая ажурная кофточка и короткая юбка: всё, что мужчина хотел бы знать ещё до постели, в принципе, было видно, и причем, довольно убедительно.

Однако напрасно она сделала и один круг, и второй вокруг того летнего кафе под зонтиками. Граф либо так был увлечен беседой с Дьяволенком, что не замечал Маркизу, либо – ну, не негодай ли? – делал вид, что не видит её, девицу-красу с каштановыми волосами ниже плеч, настоящим, а не каким-нибудь искусственным румянцем и скромным, но вместе с тем и чуть затаенным взглядом карих глаз, обещающим некую тайну.

Пару раз Дьяволенок бросал на неё скучающий, равнодушный взгляд, но смотрел при этом как бы сквозь неё. И тогда Маркиза, не выдержав такого пренебрежения, взяла у барменши бутылку «Балтики №9» и с самым независимым видом уселась за соседний столик. При этом она положила ногу на ногу, и, решив закурить, обнаружила, что у неё нет зажигалки (на самом деле она лежала у Маркизы в сумочке). Покрутив сигарету в руках, девушка оглядела соседние столики и, не обнаружив там курящих мужчин, вздохнув, обратилась к соседям:

– Господа, у вас не найдется огонька?

Граф, наконец, прозрел и воскликнул:

– Конечно, найдется, – и, чиркнув зажигалкой, ловко дал ей прикурить. – Давненько я вас, Маша, не видел. Кстати: здрасьте!

– Здравствуйте, – отозвалась Маркиза. – А я всё жду вашего приглашения на чашечку кофе. По моим расчетам, осталось два года и десять месяцев...



– Нет-нет, обещанного не обязательно три года ждут, – граф смутился, но тут же хлопнул себя по лбу и воскликнул: А может, мы с вами все-таки не станем исключением из этого правила, а? Традиции надо соблюдать! Вот пройдет положенное время...

– Вы несносный, – Маркиза дурашливо надула губки и сделала вид, что рассердилась. – Никто вас за язык не тянул. Сами предложили эту чашечку кофе...

Дьяволенок участия в их разговоре не принимал. Потягивая светлое пиво из высокого пластикового стакана, он блуждал скучающим взглядом по клумбам с карликовыми георгинами, фиолетовыми петуниями и разноцветным портулаком.

Цветы его не впечатлили, и он направил взор на мощный рекламный щит, установленный перед театром. Пестрые плакаты, наклеенные сикось-накось, обещали неземные ощущения на концертах Бориса Моисеева и Валерия Леонтьева, классную вечеринку на шоу Децла и Дельфина, незабываемо волнительное проникновение в мир классической музыки с помощью какого-то местного камерного ансамбля. Опереточная стареющая дива городского масштаба, некогда подававшая большие надежды, зазывно раскрыла впечатляющих размеров огненно-красные губы. «Добро пожаловать в арт-салон к Илоне! – гласила надпись над ней. – Вам будет со мной хорошо!»

Дьяволенок хмыкнул и перевел взгляд на Маркизу. Но напрасно она, округлив глаза, поспешно растянула губы в радушной улыбке – молодой человек, не впечатлившись ею, довольно бесцеремонно вмешался в её диалог с графом:

– А что вам мешает выпить этот кофе прямо сейчас?

– Ничто, – сказал граф, и даже сам удивился необыкновенной простоте разрешения проблемы. – В самом деле!

Маркиза уже было решила, что друг графа наконец-то проявил к ней интерес и приготовилась пококотничать с ним, но он встал и, обращаясь только к Грею, сказал:

– Смею надеяться, граф, что ваш кофе тет-а-тет закончится ещё сегодня? Если у тебя будет желание, то заглядывай в бильярдную. Сыграем партию-другую в пул...

И, легко улыбнувшись Маркизе, он ушел.

Напрасно Маркиза пыталась выпытать у графа, с кем это он пил пиво, и как зовут этого молодого человека, и почему он никак не реагировал на её присутствие. Всё было безуспешно. Граф уперся и ни в какую не признавался, что это как раз и был сам Дьяволенок.

– Если бы он хотел, то сам бы тебе представился, – твердил граф. – Единственное, что могу сказать, – зовут его Евгением...

– А под каким именем он бывает в комнате? – не успокаивалась Маркиза. – Признайся, это Дьяволенок?

– Да что вы все на нем помешались? – кипел негодованием граф. – Подумаешь, самая загадочная личность! Да он специально туману напускает, чтобы привлечь внимание всяких юных барышень. Может, он ничего особенного из себя и не представляет...

Маркиза, однако, твердила, что доверяет своей интуиции, и ей кажется, что молодой человек, известный под именем Дьяволенок, – не какая-нибудь заурядная серость. В чем она, собственно, и убедилась только что. Этот коренастый парень с походкой футболиста и пронизательным взглядом философа уж точно не женским бельём на рынке торгует, да и руки выдают в нем белую кость: тонкая кисть, гибкие пальцы, коротко остриженные ногти.

– А может, он карманник? – коротко хохотнул граф. – Карманники, говорят, тщательно ухаживают за своими руками. Всё-таки это их орудие производства. А что касается философии, то когда они мотают срок на зоне, то на два-три года становятся самыми заядлыми читателями тюремной библиотеки...

– У тебя нет таких знакомых, – отрезала Маркиза.

– У меня самый широкий круг общения, – парировал граф.

– Почему ты нас не познакомил? – вернулась к волновавшей её теме Маркиза.

– Если бы Евгений хотел, то сам бы с тобой познакомился, – простодушно ответил граф. – Он достаточно самостоятельный парень, и обходится без посредников...

В общем, получилось так, что Маркиза официально не была представлена Дьяволенку и, следовательно, формально они оставались незнакомыми. А теперь вот некий господин Инкогнито с очаровательной улыбкой лукаво расспрашивает её о перышке птички Обломинго.

– Инкогнито, кто ты? – Маркиза почувствовала, что задала вопрос слишком прямо и, смутившись, кокетливо потупила глазки. – Прежде я тебя тут не видела...

– Может быть, видела, а может быть, и нет, – уклонился от ответа Инкогнито. – Какое это вообще имеет значение? Надеюсь, что ты приходишь сюда, чтобы общаться...

– Гы-гы-гы! Она приходит сюда, чтоб женихов ловить! – громко расхохотался Синьор Помидор.

Синьор Помидор всегда был нарочито груб. Когда он впервые появился в этой комнате, то сразу же сказал какую-то пошлость, и некоторые утонченные натуры решили, что под его маской скрывается никто иной, как сам поручик Ржевский. Дух казарменной шутки не всем пришелся по вкусу, но к манере общения Синьора Помидора скоро привыкли и уже не обращали внимания на его прямолинейность и простоту суждений.

– Нет, я прихожу сюда, чтобы ставить капканы, – рассмеялась Маркиза и, обмахнувшись веером, подмигнула Синьору Помидору:

– Но капканов на всех подряд у меня не хватит. Угадай с трех раз, на кого именно я их расставляю?

– А тут и гадать нечего, – гыгыкнул Синьор Помидор. – Ты Дьяволенка хочешь изловить. Это всем известно!

– М-да, простота хуже воровства, – задумчиво изрекла Маркиза и раздраженно стукнула веером по столу. – Ну, попадись ты мне в руки – сразу на салат пушу!

– А я, может, переспелый. Брызну соком – не отмоешься! Гы-гы-гы!

– Маркиза, на всякое пятно найдется свой пятновыводитель, – напомнил о своем существовании Инкогнито. – Если что, можешь получить консультацию у меня...

– Спасибо, ты так добр, – отозвалась Маркиза. – Рассчитываю на твою помощь...

– А чтоб пятно отмыть, платице придется снять, – заметил Синьор Помидор. – И если Инкогнито настоящий мужчина, то как он устоит перед чарами обнаженной леди? Гы-гы-гы! Будешь, милочка, расплачиваться натурой...

– Тьфу на тебя, несносный помидоришка! – рассердилась Маркиза.

– Синьор, а в альтруизм ты не веришь вообще? – спросил Инкогнито. – Мне нравится всё делать бескорыстно...

Неизвестно, что собирался ответить Помидор, потому что в этот момент в комнату вбежали Ди-Джей и Рюмочкин.

– Аааааааааа! – завопил Рюмочкин. – Маркиза! Хай! Как давно я тебя не видал! Чмок!

– Привет, Маркиза! – не менее восторженно взревел Ди-Джей. – Ты такая скромница. Так и не сказала мне в прошлый раз, сколько тебе лет. Признайся: ты ещё не очень старая? Ну, открой своё личико, а?

– Гюльчатай, открой своё личико... Хм! А также сообщи: какой рост, размер бюста, вес, и все паспортные данные – полностью, – буркнул Инкогнито. – Как будто эти параметры имеют какое-то значение для общения...

– Кхех! Размерчик всегда имел значение, – сказал Синьор Помидор. – И нечего притворяться, будто параметры дамы для тебя без разницы...

– Маркиза! Солнышко! Я соскучился по тебе! – ни на кого не обращая внимания, продолжал Рюмочкин. – Когда ж назначишь ты мне час заветного свиданья?

– После дождичка в четверг, – ответил за Маркизу Синьор Помидор. – Очень нужен ты ей, гы-гы-гы! Она тоскует только по исчадиям ада...

– Ах, у меня закружилась голова, мальчики! – вскрикнула Маркиза. – Не успели войти – и так уж взволновали бедную неопытную девушку, аж голова кругом идет! Ах, как голова кружится... Ах-ах!

– Я падаю у твоих ног, – сообщил Ди-Джей. – Мне восемнадцать лет, и я люблю танцевать. А ты?

– Мля! У ног Маркизы уже образовались завалы из поверженных ею мужчин, – присвистнул Синьор Помидор. – Прямо штабелями лежат! Придется вызывать бульдозер для расчистки пути...

– Как скучно! – вздохнул Инкогнито. – Эти каждодневные завалы уж и леди, верно, утомляют.

– По ней не скажешь, – нахально улынулся Синьор Помидор. – Смотри: она вся прямо расцвела!

– Ну что ж, счастливо вам оставаться под сенью девушки в цвету, – Инкогнито бросил быстрый взгляд в сторону Маркизы и направился к выходу. – А я подожду, когда отцветут хризантемы в саду.

– Катись колбаской по Малой Спасской, – пожелал ему Рюмочкин.

– Отцвели уж давно хрузантемы в саду! – сообщил Айс. – Ромашки спрятались, средь лютиков завяли помидоры...

– Инкогнито всё о непонятном любит вумно говорить, – сказал Ди-Джей. – Никакой простоты!

– Всем – пока! – невозмутимо сказал Инкогнито и вышел из комнаты.

– Ах! – всплеснула руками Маркиза. – Засиделась я тут. С вами время бежит незаметно. Оказывается, карету мне подали, и давно. Пора, пора, рога трубят... Прощайте!

И она, не раздумывая, нажала на кнопку «exit».

## 2.

Граф Грей, в миру Николай Владимирович Двойников, мужчина ещё не старый – около сорока лет, а может, чуть поболее, по внешнему виду сразу и не определишь: моложавый, загорелый, серые глаза с искоркой, одет в простые бледно-голубые джинсы и хлопчатобумажную футболку, – удовлетворенно хмыкнул:

– Маркиза почти готова к употреблению! Девица заинтригована, никто ей так не интересен, как Дьяволенок. Она даже из чата вышла вслед за ним, потому что с остальными ей скучно...

Николай Владимирович сидел перед компьютером в полном одиночестве, и со стороны его разговор с самим собой мог показаться странным. Эта нелепая привычка появилась у него после того, как он купил модем и смог выходить в Интернет. Особенно его забавляли разговоры в чатах. По тому, какой ник-нэйм выбрал себе человек, как строит предложения и что за смайлики использует, Николай Владимирович составлял что-то вроде психологической характеристики. А поскольку сиюминутными наблюдениями поделиться было порой не с кем, то он стал комментировать их вслух. Причем, иногда вел диалог как бы на два голоса: один – «за», другой – «против».

И в этот раз его «против» оспорило вывод насчет Маркизы:

– Не спешите, граф, с заключениями! Маркиза не так проста, как кажется. Она, конечно, выделила Дьяволёнка из длинной вереницы чатовских кавалеров, но это, возможно, элементарное женское любопытство: что он представляет из себя в реале? Только и всего!

– Но как раз любопытство заводит прекрасных дам в лабиринты чувств и бросает в пучины страсти, – возразил Николай Владимирович. – Некоторым из них и жизнь не в жизнь,

если они, как Пандора, не откроют таинственный ларчик, и ведь знают, что нельзя, но соблазн выше их...

– Добавьте, граф, к своей сентенции ещё и такую банальность: все бабочки летят на открытый огонь – и погибают в нём, бедняжки, – усмехнулось «против».

– И тем не менее, это так! Маркиза стремглав помчится в наш «Подвальчик», стоит её лишь пальчиком поманить...

«Против», однако, молчало.

– Алё! – сказал Николай Владимирович. – Ну, что молчишь? Возразить нечего?

– Слова неохота попусту тратить. Одно лишь скажу: твоя самоуверенность тебя погубит...

– Неужели? – рассмеялся Николай Владимирович. – А я-то считал себя сомневающимся и, так сказать, мятущимся интеллигентом...

– Как же! Мятущийся интеллигент запутывается в сетях Всемирной паутины и охмуряет молоденьких девочек, – саркастически рассмеялось «против». – Короче: седина в бороде, а бес – в ребро...

– Ты прекрасно знаешь, что все эти девочки и мальчики нужны мне совсем по другой причине...

«Против» ничего не ответило, и Николай Владимирович, несколько раздосадованный его репликами, уже собрался было закрыть окно чата, но тут, мягко ступая лапками, в его главную комнату вошла Кисуля.

– Мяу! – восторженно заорал Синьор Помидор. – Кис-кис! Приветик!

– Хай, Кисуля! – приветствовал её Ди-Джей. – Ты по-прежнему кошка, которая гуляет сама по себе?

– Хотел бы я поглядеть, как это выглядит в натуре: кошка, которая по самой себе гуляет, – попытался соригинальничать Айс. – Надо полагать, всем глюкам глюк!

– Кисуля! Давай познакомимся, – подмигнул Мистер 20 см. Он объявился в чате недавно, и его ник поначалу шокировал некоторых утонченных особ. Но парень вел себя, в общем-то, скромно и вскоре к нему привыкли.

– Здравствуйте, мальчики! – бодро отозвалась на приветствия Кисуля. – Не скучали тут без меня?

– Ещё как скучали! – сказал Мистер 20 см. – Когда же, когда мы с тобой в реале познакомимся?

– Никогда! – отрезала Кисуля. – Я люблю в мужчине тайну, а ты – весь нараспашку...

– И без трюсов! – хихикнул Айс.

– Напиши мне на личку свой телефончик, – упорствовал Мистер 20 см. – Ну, пожалуйста, Кисуля!

– Я свои телефоны кому попало не раздаю, – фыркнула Кисуля. – Вот ещё!

– Она сексом по телефону не занимается, – ослабился Ди-Джей. – Кисуля – почти тургеневская барышня, она всё о возвышенном мечтает...

Николай Владимирович с любопытством наблюдал за разговором, ничем себя не выказывая. Ему нравилась одна особенность этого чата: в любой из его комнат можно было мониторить, сколько захочешь, оставаясь для всех невидимым. Постоянные посетители знали об этом и потому старались не говорить об отсутствующих: вдруг отсутствующий – незримый присутствующий? «Эдакий джинн, бесплотный дух, – усмехнулся Николай Владимирович. – Или Иванушка-дурак, надевший шапку-невидимку? Он видит всех, его – никто... А что? В этом есть некая тайная прелесть. И преимущество...»

– Ага! О возвышенном она мечтает, как же! – засмеялся Айс. – А кто, интересно, в «Подвальчик» Дьяволенка и графа Грея просится?

– Ну, уж не за тем, за чем ты думаешь, – огрызнулась Кисуля и выпустила коготки. – Мне с ними общаться нравится. Они не такие, как некоторые из вас!

– Неужели ещё особеннее, чем я? – изумился Мистер 20 см. – И так же горят огнем...

– ... желания познания, – быстро вставила фразу Кисуля. – Бе-бе-бе, сексозавр несносный!

– Гы-гы-гы! – захохотал Ди-Джей. – Ловко ты его отшила!

Николай Владимирович добродушно наблюдал за возникшей перепалкой. Тот «Подвальчик», о котором шла речь, предложил соорудить Дьяволенок.

Они нашли в центре города дом, как раз напротив популярного и самого лучшего кино-театра «Великан». Двухэтажное, дореволюционной постройки кирпичное строение когда-то, наверное, было даже красивым: его украшала изящная лепнина, козырек парадного входа держали две кариатиды, на крыше стояла изящная башенка, напоминавшая беседку, да, впрочем, так оно и было: жильцы высаживали там цветы, лелеяли и холили плющ, росший в вазоне, – и, должно быть, в летний зной какая-нибудь романтично-восторженная курсистка любила посидеть тут с томиком Арцибашева, Леонида Андреева или какого другого модного тогда беллетриста.

Теперь от башенки-беседки остался лишь остов, который забили горбылем, а последующие поколения отбили у кариатид прелестные головки. Да и парадный вход теперь напоминал проём сарая: разбитые мраморные ступеньки заменили железобетонными, вместо резной дубовой двери навесили древесностружечную плиту с какой-то железякой вместо ручки, державшейся на двух гвоздях – вскоре она отвалилась, а в самой плите внизу зазял пролом – от постоянных пинков. Но этому обстоятельству, впрочем, радовались владельцы собак: их питомцы теперь бегали туда-сюда совершенно беспрепятственно.

И вот в подвале этого дома, пропахшем кошками, мышами и канализационными стоками, в серых лохмотьях паутины, вонючей грязи и клочках копившейся десятилетиями пыли, Дьяволенок решил соорудить «Подвальчик» – местечко для улады души, сердца и тела. Так он, по крайней мере, объявил в чате, пригласив в компаньоны графа Грея.

Предполагалось, что это будет что-то вроде закрытого клуба для избранных. Впрочем, в здешний бар мог войти любой желающий, имеющий достаточно средств, чтобы расплатиться за кофе с настоящим ямайским ромом или за бокал жидкого солнца со славного острова Мадейры или шипучий нектар из прославленной Шампани, но, впрочем, были тут и вина попроще: «Абрау Рислинг», южнобережный Токай, крымские мускаты, хванчкара и ляна – на вкус, быть может, не слишком утонченный, но, тем не менее, взыскательный.

На особицу от них стояли настойки, собственноручно приготовленные графом Греем из корней элеутерококка, заманихи, женьшеня, а также листьев, цветов и плодов таежных растений. Они источали невообразимо густой аромат марей и перелесков, светлых полей и угрюмых урочищ, веселых полей с голубыми васильками и деревенских околиц, заросших чередой и одуванчиками. Кажется, дух самого лета был заточен в каждую бутылочку, запечатанную красным сургучом, и стоило его скovyрнуть, вытащить плотную пробку – и светлая, радостная волна июльского полдня победным фейерверком взвивалась под самый потолок, захватывала, как взбунтовавшаяся мятежная толпа, всё пространство вокруг. И даже прохладный коричневый пластик столиков вдруг нагревался, как корочка свежее испеченного хлеба, и от него понималось легкое тепло и согревало руки. А за цветными витражами окон в это время падали с деревьев желтые, фиолетовые, красные листья, или посвистывала озорная шалунья-выюга, или злобредный старикашка Мороз, хихикая, пощипывал прохожих за уши и носы...

Внутри бара была дверь, скрытая занавеской из пестрых ракушек: они висели на длинных ниточках, нанизанные наподобие перцев или грибов для просушки, – и стоило их задеть, даже совсем тихонечко, как слышалось осторожное поскрипыванье белоснежного песка под ногами, легкое движение ласковой волны, вкрадчивое рокотанье теплого ветерка, запутавше-

гося в листьях душистых акаций. Но эту занавеску могли отдернуть лишь посвященные, ибо вход обычным посетителям преграждал швейцар.

Кто попадал сюда впервые, обычно принимал его за настоящего: внушительного вида дядечка неопределенного возраста, скорее всего, отставной майор гражданской обороны – плотный, розовощекий, с ржаными усами, привыкший к разливному пиву и вяленой корюшке, он был одет в мундир с блестящими позументами, и глядел на всех блестящими голубыми глазами, изредка подмигивая хорошеньким посетительницам. Однако это была всего-навсего кукла, правда, с хитроумным устройством, скрытым неизвестно где: посвященные предъявляли особую карточку, глаза швейцара загорались странным желтым светом, сканируя её, и он отдавал честь, пропуская посетителя за ракушечную занавеску. В противном случае его рука срабатывала, как турникет в метро, преграждая путь в недра «Подвальчика».

Кисуля такой карточки не имела, но, однако, ей разрешалось посидеть на подоконнике одной из комнат, расположенных за семью печатями.

Это был небольшой кабинет, стены которого украшали лишь стеллажи с пыльными фолиантами в одинаковых черных переплетах. В углу слабо горел камин, в нем потрескивали березовые поленья, а перед ним на темно-красном ковре, испещренном неведомыми письменами, напоминавшими арабскую вязь, стояли два деревянных кресла с высокими спинками. Они, видимо, были старинными, а может быть, – всего лишь стилизация под знаменитое седалище веселого и грустного вольнодумца Вольтера.

Именно здесь Дьяволенок любил беседовать с каким-нибудь посетителем «Подвальчика», и перед ними на низком столике из темного дерева, инкрустированного серебром и перламутром, ставили две чашки кофе, сваренного по-турецки, и непременно – два высоких стакана с минеральной водой, в которой искрились кусочки льда.

Кисуля, особо не вслушиваясь в неспешный разговор хозяина и гостя, сладко мурлыкала, то сворачивалась калачиком, то, выгибая спинку, лениво потягивалась и снова разваливалась на подоконнике, истомленная негой и бездельем. Она любила глядеть на блики и отсветы каминного цветения угольков, покрытых серым бархатом пепла. Ей мерещились дальние страны, белоснежные города, оазисы на горизонте, караваны верблюдов, арабские шейхи, среди которых был один – высокий, тонкий, как тростинка, с веселым и дерзким взглядом рысых глаз...

– Кисуля, ну и как там, в «Подвальчике»? – прищурившись, спросил Синьор Помидор. – Тебя уже допустили в другие комнаты?

– Ага! Счас! Так и разболтала тебе все секреты! – Кисуля выпустила остренькие коготки. – Не трогай меня! Иначе расцарапаю!

– Чего такая сердитая? – рассмеялся Ди-Джей. – Говорят, что ты любишь сидеть на коленках у Дьяволенка, но ничего, кроме мурлыканья, он от тебя дожидаться не может...

– Кисуля пристраивается к коленкам Дьяволенка просто так? – удивился Мистер 20 см. – И ничего не делает?

– А что я должна делать?

– Ну, хотя бы лапками его помять, – посоветовал Мистер 20 см, нагло улыбаясь. – Чего ты такая нерешительная?

– Уж тебе я бы запустила все когти, какие у меня есть, – пообещала Кисуля и, вспомнив, что она вообще-то девушка скромная, немедленно покраснела и добавила:

– Только чести для тебя многовато!

– Гы-гы-гы! Это у него для тебя многовато! – загоготал Синьор Помидор. – Скромница ты наша!

Николай Владимирович не сомневался в скромности Кисули. Ему нравилась эта девушка, которая, зная о заманчивой и восхитительной прелести разных соблазнов жизни, все-таки предпочитала оставаться неискушенной. Иногда даже казалось, что для неё ничего



не было важнее учебы в экономическом институте, где она постигала премудрости банковского дела. Однако она втайне мечтала о своем прекрасном принце, который однажды ворвется в её жизнь если не на белом коне, то хотя бы на белой «Тоёте». Недостатка во внимании сверстников и мужчин постарше у неё не было, но Кисуля старалась держать их на расстоянии, не допуская каких-либо вольностей, и ничего особенного им не обещала.

Николай Владимирович решил разрядить обстановку в чате, но входить туда под именем графа Грея не захотел. Некоторые из присутствующих почему-то думали, что у него с Кисулёй особенные отношения.

Чуть помедлив, он усмехнулся и набрал на клавиатуре тот ник, который использовал нечасто: Лао Цзы.

– Привет, китаец! – немедленно отозвался на его появление Синьор Помидор. – Ты кто?

– О, таких особ надо знать в лицо! – заметил Ди-Джей. – Это древний китайский философ...

– Кисуля, привет! – не обращая внимания на реплики присутствующих, сказал Лао Цзы. – Скажу тебе: кто действует – потерпит неудачу. Кто чем-либо владеет – потеряет. Те, кто совершая дела, спешат достигнуть успеха, потерпят неудачу.

– Привет, Лао! – отозвалась Кисуля. – Не спрашиваю тебя, кто ты есть на самом деле. Это не имеет значения. Значение имеет лишь твоя мудрость.

– Да он тебе втемняшивает какую-то тарабарщину! – возмутился Синьор Помидор. – К чему вся эта его мудрость? Мозги девчонке лишь канифолит!

– Мои слова легко понять и легко осуществить, – терпеливо продолжал Лао Цзы. – Но не все могут их понять и осуществить. В словах имеется начало, в делах есть главное. Поскольку люди их не знают, то они не знают и меня. Когда меня мало знают, тогда я дорог. Поэтому мудрый подобен тому, кто одевается в грубые ткани, а при себе держит яшму...

– Дурдом какой-то! – фыркнула неизвестно откуда взявшаяся Дарлинг. – Что ты хочешь этим сказать, Лао? Кстати, приветик!

– Кто, имея знания, делает вид, что не знает, тот выше всех, – изрек Лао Цзы. – Кисуля наверняка догадалась, что этим самым я хотел сказать... Кстати, привет тебе, Дарлинг!

– Таинственный Лао, ты появляешься всегда внезапно и так же внезапно исчезаешь, – вздохнула Дарлинг. – Такое поведение – тоже часть твоей философии?

– Ну, пошла писать губерния! – рассердился Синьор Помидор. – Открыли тут коллоквиум по философии! Куда б от неё в институте деваться?

– Лао, я не спешу, – отозвалась Кисуля. – Из любопытства я нашла и прочитала «Дао дэ Цзин». Мало что поняла вообще-то, – она смущенно хмыкнула. – Может быть, потому что нет времени внимательно и медленно вникать в смысл текста?

– И, тем не менее, дражайшая Кисуля, ты, наверно, поняла, что тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну дао, а кто охвачен страстями, получает его только в конечной форме, – изрек Лао Цзы. – И, следовательно, суть вещей и явлений в этом случае остается скрытой...

– Как мы мудры! – язвительно скривился Мистер 20 см. – И как любим напускать густого тумана, чтобы вообще скрыть всякий смысл!

– Ты не прав, Мистер! – воскликнула Кисуля. – Хочешь, я тебе процитирую одно место из трактата «Дао дэ Цзин»? Слушай: «Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, то возникает и зло»...

– Можно подумать, что до добра зла не было и наоборот, – буркнул Мистер 20 см. – И вообще, о чём ты думаешь, девочка? В твоём возрасте совсем не об этом полагается думать и мечтать...

Лао Цзы молчал, с любопытством наблюдая за развитием событий. Он не сомневался, что Кисуля достойно ответит этому типчику. И ещё ему хотелось, чтобы она сказала те самые слова, после которых он вправе предложить ей поучаствовать в своих опытах.

То, чем занимался Николай Владимирович, было покрыто туманным флером тайны. На все вопросы о месте работы и роде занятий он обычно отвечал весьма уклончиво, отделиваясь замечанием: «У меня подписка о неразглашении, – и добавлял: Если интересно, то конкретно: изучаю сверхвысокочастотные излучения».

И это было отчасти правдой. Он действительно занимался этими излучениями, природа которых вдруг открылась ему с неожиданной стороны. В них скрывалось такое могущество и такое коварство, которые переворачивали традиционные представления о мироустройстве. Впрочем, еще древние мудрецы о всем этом что-то такое знали, и тот же Лао Цзы превыше всего ценил энергию ци – основу основ подлунного мира. Но Николай Владимирович предпочитал не распространяться о своем знании.

Относясь по гороскопу к Рыбам, он отличался скрытостью характера, обожал всякие тайны и, даже если их не было в его жизни, умел сочинить их и старательно поддерживал имидж человека несколько полумистического, далекого от реальных и низменных проблем: он парил в ослепительно головокружительных высях, плавал в мерцающих глубинах подсознания, степенно беседовал с древними философами и, даже ничего не понимая в теософии госпожи Блаватской или фантазмагориях «Розы Мира» Даниила Андреева, напускал на себя глубоко-мысленный вид и лукаво улыбался, пряча растерянность в своих франтоватых усах, при одном виде которых почему-то вспоминался поручик Ржевский.

– Дорогой Мистер, я не знаю, как доходчиво объяснить тебе, что бытие и небытие порождают друг друга, а высокое и низкое взаимно связаны, и как доказать очевидное: звуки, сливаясь, приходят в гармонию, а предыдущее не бывает без последующего, – внушала Кисуля своему собеседнику основы даосизма. – Это так просто. И это так сложно!

– Но что за толк в твоих умствованиях? – взвился Мистер 20 см. – Я, например, не задумывался и не хочу задумываться над этим. Я просто знаю, что мне приятно, а что неприятно, чего хочу, а чего мне ни за какие деньги не надо...

– Ну, хорошо, – улыбнулась Кисуля. – Чего ты больше всего не хочешь?

– Ты это серьезно спрашиваешь? – растерялся Мистер 20 см. – Ну, много чего не хочу: не желаю попасть в тюрьму, быть нищим, импотентом...

– И всё-таки, больше всего чего ты не хочешь? – упорствовала Кисуля.

– Больше всего? – задумался Мистер 20 см. – Не знаю. Наверное, женщиной. Да! Я не хотел бы изменить свой пол.

– Но почему? – Кисуля простодушно рассмеялась. – Разве тебе не интересно почувствовать то, что чувствует женщина? Это знание дало бы тебе очень многое...

– Нет, это против моих понятий! – резко отрубил Мистер 20 см. – Да и ты навряд ли согласишься бы стать мужчиной!

– Ну, почему же? – Кисуля лукаво передернула плечами. – Я не против этого. Мне было бы интересно. Но где найти такого волшебника, который на время поместит меня в чужое тело?

И тут Лао Цзы, жестко прищутив свои вдруг заблестевшие глаза, спросил её:

– А ты действительно не станешь жалеть о том, что познаешь свою противоположность?

– О, мудрый Лао! – воскликнула Кисуля. – Откуда ж мне знать, буду я жалеть о том или не буду. Разве можно заранее предвидеть результат? Жизнь была бы скучна, если б нам всё было наперёд известно...

– А хочешь, я тебе помогу переместиться в мужское тело?

– Хоть сейчас! – храбро откликнулась Кисуля.

– Нет, сейчас не получится, – сказал Лао Цзы. – Если ты согласна, то поставим этот опыт завтра.

Кисуля считала, что Лао Цзы хочет заняться своими манипуляциями в виртуале, где даже самое невозможное становится возможным, и всякое превращение легко осуществимо при наличии хоть капельки фантазии. Ей хотелось заняться этим немедленно, но Лао Цзы был непреклонен:

– Завтра! Жду тебя в шесть часов вечера...

Он вышел из виртуальной комнаты, но по своему обыкновению ещё некоторое время наблюдал за оставшимися в ней персонажами. Вот Мистер 20 см флиртует с появившейся в чате Красной Шапочкой, а Серый Волк увлекся беседой с Ди-Джеем о музыке, и грустит о чем-то Кисуля, не замечая реплик Синьора Помидора, и вздыхает о несданных зачетах лоботряс Айс.

– А ты чего хочешь больше всего на свете? – спросила Кисуля Айса.

– Хочу скорее получить диплом, – откликнулся тот.

– Да получишь ты его когда-нибудь! Я спрашиваю о том, что сбывается в жизни нечасто, – сказала Кисуля.

– Знаешь, больше всего на свете я хочу поваляться в густой зеленой траве, и чтобы в ней были синие колокольчики, душистая кашка, и крепко пахло таволгой, – ответил Айс. – И чтобы эта трава была не за городом, а где-нибудь рядом с моим домом, среди этих серых многоэтажек, и чтоб ни одна собака не смела валить на неё свои какашки... Но вокруг, увы, одни газоны. И если по ним пойдешь, то будешь чувствовать себя как на минном поле из-за кучек псиного дерьма...

– А ты закрой глаза и вообрази, что упал лицом в росную, свежую траву, и легкий ветерок, пропахший пылью одуванчиков, погладил тебя по голове, – посоветовала Кисуля. – И большая нарядная бабочка, лениво помахивая крылышками, храбро присела на твое плечо...

– Оп-ля! Я тут! – сказала бабочка Флай. – Здрости! Чего вспоминали меня? Я вся разикалась...

Бабочка Флай отличалась веселым нравом и была невероятно любопытной. Она, видимо, работала в какой-то компьютерной фирме, имеющей круглосуточный выход в Интернет. По крайней мере, Флай могла мониторить за чатом, сидеть в нем часами, болтая о том-о сем, а в общем ни о чем. Она, конечно, не удержалась и спросила Кисулю:

– А чего это ты вдруг захотела мужчиной стать?

– Чтоб ты спросила! – отрезала Кисуля. Она недолюбливала Флай, а почему – и сама не знала. Может быть, потому что большеглазая хорошенькая Флай, миниатюрная, как гейша из Киото, не прикладывая никаких особенных усилий, возбуждала интерес мужчин, что Кисуле не всегда давалось просто.

– А ты не боишься Лао Цзы? – не унималась Флай. – Вдруг он заманит тебя в какую-нибудь ловушку и продаст в Китай? Будешь там секс-рабыней...

Кисуля презрительно фыркнула и, возмущенно подергивая пушистым хвостиком, выпрыгнула из окна комнаты на улицу.

Проводив её долгим взглядом, Николай Владимирович собрался было переключиться на Microsoft Word: он с самого утра писал статью, которая никак не получалась. Но тут в чат вошел Покойник.

### 3.

Дьяволенок в этот день тоже водил перышком по бумаге. Черный «Паркер», подаренный коллегами, легко скользил по белому листу, оставляя за собой вереницы стремительных слов с наклоном вправо. Его письмо напоминало текст старательного каллиграфа: каждая буква выписана четко, с положенными нажимами, и расстояния между словами, казалось, были выве-

рены до сотой доли миллиметра. Но рука Дьяволенка порой вздрагивала и чуть-чуть сбивала весь строй. Он досадливо морщился и, секунду-другую помедлив, продолжал писать:

«...В терминале международного аэропорта было душно и многолюдно. В железобетонной коробке, отделанной пластиком, алюминием и застекленной новомодным тонированным стеклом, надсадно гудели кондиционеры, явно не рассчитанные на почти тропическую влажность и сорокоградусную жару славного города Ха. Узел галстука сдавливал мне шею, рубашка липла к мокрой спине, и я то и дело промакивал испарину лба носовым платком, с ужасом думая, что вот-вот Она увидит перед собой мокрую курицу вместо орла, каким я, наверно, рисовался в её воображении. И от этой мысли потел ещё больше.

Её самолет уже совершил посадку. Об этом жизнерадостно сообщила аэропортовская дикторша сразу на трех языках – русском, английском и китайском. Оставалось только ждать. Ждать, пока мои друзья договорятся с пограничниками и таможенниками. Её самолет летел по маршруту Сан-Франциско – Владивосток, и у этого рейса была промежуточная посадка в Ха.

Транзитных пассажиров оставляли в так называемом «накопителе», и они пребывали там, пока не объявляли посадку на рейс. Выйти за пределы этого зала ожидания означало нарушение государственной границы. И войти к ним – тоже нарушение. Но у моих друзей в терминале были какие-то свои «ходы», и они пообещали договориться с кем надо, чтобы я всё-таки Её увидел. Вот уж поистине: не имей сто рублей – имей сто друзей. Правда, эти друзья нынче как раз любят те самые сто рублей. Но в деньгах ли дело, когда чего-то очень-очень хочешь и всё готов отдать, лишь бы это случилось?

Пока мои друзья были Гдетотам и говорили с Коекем, я выкурил не одну сигарету, и от меня, наверное, несло табаком за версту, а от ментолового «Минтона», который жевал, уже начало поташнивать. Или это было следствие моего волнения?

А ещё я размышлял над вопросом: узнаем ли мы друг друга? Я видел Её лишь на фотографиях, и она меня тоже. И, тем не менее, мы знали друг друга так, будто рука об руку прошли по жизни тысячу лет, и за нами оставались внушительные сопки вместе съеденной соли...

Не знаю, какой ангел (а может, бес?) вывел меня на тот американский чат. Впрочем, знаю: этого беса зовут Георгий Георгиевич, он учил меня деловому английскому языку, и, узнав о моей страсти к компьютерам, Интернету и всякому такому, однажды спросил: "Ну и как? Находите с американцами общий язык? Не правда ли, они говорят на испорченном английском? Что с них взять, одно слово: янки! Ах, вы еще не пробовали общаться в их чатах? Напрасно! Это хорошая языковая практика, мой юный друг..."

Геorgию Георгиевичу уже было далеко за семьдесят. Его отец был белоэмигрантом, и мальчик Гоша родился в Харбине, где выучил и китайский, и японский, и английский. После Великой отечественной войны он, как и тысячи других русских харбинцев, вернулся в СССР, но в отличие от них не сидел ни в тюрьмах, ни в лагерях, ни жил на спецпоселениях. Тут была какая-то тайна. Злые языки утверждали, что Георгий Георгиевич служил в «органах», которым требовались толковые переводчики.

И вот этот человек невольно втолкнул меня в тот американский чат. Общась там с разными персонажами, я вскоре выделил Её: она была мила, очаровательна, умна и, к тому же, говорила почти на правильном английском, свободном от американских диалектов. Это меня удивляло. Однажды, забывшись, я написал какую-то фразу на русском языке. И – о, чудо! – Она мне тоже ответила по-русски. Оказывается, Она была москвичкой, вышла замуж за некоего удачливого бизнесмена, кстати, тоже русского, и вот уже третий год живет в Сан-Франциско.

У нас было столько часов, проведенных возле компьютера вместе: Она – там, в прекрасном и веселом Сан-Франциско, я – тут, в Ха, стоящем на берегу Амура на трех холмах. И порошил мелкий снег, и под ноги порывисто кидался озорной ветер, и громыхал ледоход, и внезапно у кромки асфальта появлялись желтые монетки первых одуванчиков, и бушевала тополиная метель, и прохладные капельки дождя скатывались по листьям мальвы – время шло,

но это нас как будто не касалось: мы разговаривали, смеялись, тосковали и радовались. Бессонные ночи, телефонные звонки, письма по электронной почте... Постепенно мы научились чувствовать друг друга, и наша жизнь становилась пустой и скучной, если хотя бы пару дней мы не виделись в чате, или в привате не было какой-нибудь милой и смешной записочки, фразы, просто смайлика. И вот теперь – встреча. Первая встреча. И, может быть, последняя. Она летела не ко мне, она летела к мужу – к тому, кто был её законным супругом и отцом её сына. Ни без того, ни без другого она не могла жить. Но она уже не могла жить и без меня. Или это я без неё не мог жить?»

Его «Паркер» споткнулся на знаке вопроса, и Дьяволенок, отложив ручку в сторону, пододвинул пепельницу поближе, и закурил свой любимый суперлегкий «Винстон». Несколько месяцев назад он предпринял очередную попытку бросить курить, но из этой затеи ничего не получилось. И тогда Дьяволенок решил перейти на табак с низким содержанием никотина. Поначалу вместо одной пачки сигарет он высаживал целых две, но постепенно пришел к своей обычной норме.

Он задумчиво пускал дым кольцами и следил, как они легко выскользывают в форточку. С кухни его позвала мать:

- Женя, обед готов! Будешь сейчас есть?
- Нет, ма, – быстро откликнулся он. – Я занят. Через полчаса.
- Борщ остынет, – сказала мать. – Придется его разогревать, а это не так вкусно...
- Нет, попозже...
- И чем это таким важным ты занят, что нельзя прерваться?
- Да уж, – хмыкнул он. – Занят!

Мать больше не звала его. Он давно уже приучил её не отрывать его от работы. Если занят – значит, занят, и точка.

«А чем, собственно, таким важным я сейчас занимаюсь? – спросил он самого себя. – И зачем пишу вот эти... мемуары? Хм! И вправду: мемуары! Зачем?»

Он надеялся, что история, которой он жил почти два года, перенесенная на лист бумаги, заживет как бы отдельной жизнью. И это отчуждение поможет ему лучше понять самого себя. Вот эти ровные строки предложений – не просто текст, это ещё и анализ того, что было. И Дьяволенок рассчитывал, что события того душного июльского дня, разложенные по полочкам, наконец-то перестанут его мучить.

Дьяволенок хорошо помнил, что, ожидая знака от друзей, почему-то думал не о Ней, а о том, что мужчины бывают поразительно странными: в них каким-то образом сочетается цинизм, жестокость, жуткое ерничество и вечный, неисправимый романтизм. Впрочем, может быть, пошлость и скабрёзность – это что-то вроде маски, прикрывающей жажду чувств и настоящей страсти?

Друзья подали ему знак: всё, мол, решено. И к нему быстро, ни на кого не глядя, подкатил субъект, похожий на переносной газовый баллон. Он пригладил щетинку волос на маленькой карасиной голове и тихо, одними губами сказал: «У тебя не больше пяти минут. Иди!»

И Дьяволенок пошел.

Он сразу выхватил её взглядом из пестрой шумной толпы. Их глаза встретились. Она тоже узнала его, и посветлела лицом, и расцвела улыбкой, и, не обращая ни на кого внимания, полетела к нему через все эти чемоданы, сумки, какие-то тюки, кресла, столики, урны. Он бросился к ней, с удивлением заметив, что не чувствует под собой ног – будто бы летит, и радость переполняет всё его существо.

Она обняла его и, чуть смутившись, опустила глаза. А он подхватил её и закружил. И все люди, наверное, подумали, что двое влюбленных встретились после долгой разлуки.

Они никого не видели и ничего не слышали. Беззвучно взлетали самолеты, люди открывали и закрывали рты, и, кажется, что-то объявляла дикторша, но голоса и все звуки не каса-

лись их слуха, будто эти двое вдруг оказались под темной и глубокой водой. Он чувствовал Её горячую кожу и биение каждой жилки на тонких запястьях, и вдыхал пряный, с привкусом корицы, запах Её волос, и сладки были её мягкие губы. Он снова и снова касался Её губ, и она, смеясь, отвечала. Все это напоминало кадры какого-то полузабытого фильма о любви, но тогда он об этом не думал.

«Мы целовались не так, как все. Не губами, а исходящим от них горячим, терпким воздухом, будто два ветерка встретились и пересеклись, блуждая по лицам, губам, щекам, влажным то ли от слез, то ли от волнения, то ли от этой тропической жары. Она что-то пыталась рассказать мне о своей поездке, о каких-то своих делах, о двух своих мужчинах – большом и маленьком, ждущих её в другом городе, но я не слышал слов – я наслаждался Её голосом, этим тихим, бархатно-грудным голосом.

Все тот же газовый баллон подошел к нам и засопел: «Парень, ну ты чё? Сказано же: пять минут! Время кончилось...»

Мы смотрели друг другу в глаза, и вдруг в Её зрачках мелькнуло сожаление, и Она прикрыла ресницы.

– Что? – спросил я. – Что случилось?

– Пообещай мне, что никогда не расскажешь об этом никому, – попросила Она.

– Обещаю, – ответил я.

Я еще не знал, как это трудно: никому и никогда не рассказывать о том счастье, которое испытал. Но тогда я ответил:

– Всё, что происходит с нами двоими, касается только нас двоих.

И она легко кивнула, и улыбнулась, и, оглядываясь, пошла к выходу, и в её руках шуршал букет желтых роз. Её любимых желтых роз.

А потом я сел в старенькую, выдавшую виды «Ладу», и друг мой Колька, чертыхаясь, завел мотор, и мы поехали домой.

– Все нормально? – спросил второй мой друг Андрей.

– Я ни о чем не жалею...

– И даже о том, что Она не осталась тут?

– Так надо, – ответил я. – Ничего не поделаешь...

И в голове вдруг возникла эта легкая, светлая, радостная и грустная песенка великой Пиаф: «Я ни о чем не жалею...» Ни о чем!

До сих пор не жалею ни о чем.

Я полез в карман брюк за сигаретами и вдруг наткнулся на фотоаппарат, висевший на поясе.

– О, дьявол! – воскликнул я. – Забыл! Забыл сфотографироваться...

– Не переживай, – сказал Колька. – Раз не сфотался – значит, ещё встретитесь. Примета такая есть!

Нет таких примет! Тоже мне, Лука-утешитель нашелся...

– Чую: придется нам еще раз договариваться о нарушении госграницы в аэропорту города Ха, – широко улыбнулся Андрей.

– Эй, предсказатель Лука! – воскликнул я. – Ты бы лучше за дорогой следил, а то мы уже точно никогда ни с кем не встретимся на этом свете. О, дьявол!

«Ладу» тряхнуло на какой-то колдобине, и все мы, дружно подскочив, ударились головами о крышу, и громко рассмеялись. Друг Колька, потирая затылок, изрек:

– Что ты всё дьявола поминаешь? Чуть что – дьявол да дьявол! А он тут как тут...

В динамике потрескивал голос Клауса Мейне:

– Don't you believe, that one thing is true,

I'm not the best, but the best for you...



А наутро в моем электронном почтовом ящике уже лежало письмо от неё. Каждую его строчку помню до сих пор:

«Я всё время думаю о тебе и нашей встрече. И корю себя: «Надо было сделать так-то... сказать то-то... посмотреть эдак...»

После того, как мы расстались, я даже думать ничего не могла. В голове – туман. Перед глазами – пелена. Я шла на ощупь, и чуть не упала. И знаешь что? Я ведь даже глаз твоих не помню – не посмотрела. Боялась? Не знаю.

Осталось ощущение полета. Общего полета. И кружилась голова...

Когда меня встретил в аэропорту муж, через час после тебя, – чуть с ума не сошла. У меня теперь в голове большой бардак (извини за грубое слово, но другого не подберу). Мне кажется – только ты не смейся! – что я изменила ему с тобой. Или наоборот: я изменяю тебе с ним? Он очень соскучился по мне. Тут, во Владивостоке, у него живет мать – ты знаешь об этом, я тебе говорила. Он потому и фирму захотел тут открыть, чтобы чаще у нее бывать. И сынуля тоже по мне соскучился. Ах, я не о том пишу!

Очень хочу увидеть тебя ещё раз. Я больше не буду говорить всякие глупости, которые ты слышал в аэропорту от меня. Но, наверно, ты понял: это защита от шока, который испытала. Соединение мечты и реальности, оказывается, всегда непросто. Люблю тебя...»

И подпись. Её подпись.

Он никому никогда не рассказывал эту историю своей любви в виртуале, вышедшей в скучный и веселый, яростный и тихий, ужасный и прекрасный, вечно меняющийся мир живых мужчин и женщин, настоящих чувств и поступков.

The Ring of Illusion?

После этой поездки в аэропорт друзья стали в шутку называть его Дьяволёнком.

Евгений и вправду проявил поистине дьявольскую изобретательность, чтобы увидеться с Нею. Ни у него, ни у Андрея с Николаем, его самых близких друзей, никаких знакомых на пограничном пункте в международном аэропорту не было, но Евгений справедливо решил, что у всех троих есть приятели, сослуживцы, соседи, а те, в свою очередь, тоже не в вакууме живут: тот, кто ищет, всегда найдет.

И такой человек нашелся. В образе Маришки, бывшей подруги Андрея. Они не встречались полгода, а может, и больше, Андрей не считал, но одно он знал твердо: никакой ля мур с ней у него больше не будет. Ну, зачем ему такая девушка, которая, стоит только оставить её одну, тут же начинает стрелять по сторонам глазками? И был-то он в командировке всего шесть дней, а приехал и узнал: Маришка, не стесняясь, ходила с бывшим своим одноклассником Володей, первой своей любовью, на дискотеки и пляж, ездила на шашлыки. «Ой, какой ты дурной! – сказала она Андрею. – Володю из армии на побывку отпустили. Ну, подумаешь, прошла я с ним пару раз, и что с того? Неужели ты думаешь, что мы, как друг друга увидели, так сразу и трахаться стали?»

Это слово «трахаться» и та жалкая, какая-то вымученная улыбка, с которой Маришка все это говорила, почему-то совсем отвратили Андрея от неё. И вот выяснилось: у одного её сослуживца есть приятель, который несет службу на таможне в аэропорту.

Как ни хотел Андрей избежать встречи с ней, а пришлось-таки ему позвонить ей, договориться о randevu и даже сделать вид, что в его, так сказать, мятущейся душе всё ещё живет то чувство, что движет солнце и светила. Маришка решила, что просьба свести его с тем человеком, чей друг служит на таможне, – это как бы предлог для восстановления тех отношений, что у них были, и, не долго думая, устроила всё самым лучшим образом. Таможенник, правда, благотворительностью не занимался, и намекнул, что хотя бы без бутылки хорошего коньяка никак не обойтись. Но Разве ж это непреодолимая проблема?

– А вот что мне теперь с Мариной делать? – спросил Андрей. – Она всё, что было, вспомнила. И захотела продолжения...

– А что, она тебя уже не вдохновляет? – расхохотался Евгений. – Если что, могу виагру тебе купить. Ты мне помог, я – тебе...

– Не лежит у меня к ней душа...

– И не надо, чтоб лежало. Надо, чтоб стояло. Хотя бы разик. А потом скажешь: извини, мол, милая, дьявол попутал и всё такое...

Но Мариша, взволнованная перспективой возвращения любви, решила за неё бороться, и внезапная холодность Андрея её не остановила. Она вдолбила себе в голову, что эти проклятые нынешние мужчины и сами не знают, чего хотят, и хотя бы одному из них она просто обязана открыть глаза.

И вот когда Андрей стал напоминать человека, измученного постоянной зубной болью на фоне обострившейся язвы желудка, Евгений не выдержал и сказал:

– Назначь ей свиданье. Вместо тебя пойду я...

– Ты с ума сошел!

– Не знаю, о чем ты подумал, – холодно парировал Евгений. – Просто я ей всё объясню...

И объяснил. Не опуская взгляда, твердо и прямо сказал девушке: «Он вас не любит». И рассказал всё, как было на самом деле.

– У вас глаза зеленые, – вдруг ни с того, ни с сего сказала Мариша. – Болотного цвета...

– Ага, – откликнулся он. – Как трясина...

– Утонуть можно!

– Но это вам не грозит, – сказал Евгений и, мило улыбнувшись, встал, чтобы попрощаться.

– Вы дьявол...

– Ну что вы! – рассмеялся он. – Это круто! Скорее, дьяволенок. Маленький такой дьяволенок, который любит игры, шутки и забавы, и если у него получается что-то злое, то это – невольно, поверьте... Прощайте, Мариша!

Евгений в самом деле любил играть. Но ни шахматы, ни преферанс, ни головоломнейшие сканворды, ни пул, никакие другие игры не привлекали его так, как виртуальные развлечения.

Он сражался со зловещими монстрами, овладевал магическими приемами, чтобы мгновенно переноситься во времени и пространстве, укрощал огнедышащих драконов, разил клинком и шпагой всякую нечисть, похищал самых прекрасных принцесс, чтобы бросить их ради какой-нибудь Золушки, перепачканной золой, и надевал на её ножку хрустальную туфельку, отвоеванную у черного мага, – и всё это заставляло биться сердце посильней, чем шеренга знаменитых топ-моделей.

Но стоило ему добиться цели, победить могучего великана или отправить к праотцам целую армию каких-нибудь злобных гоблинов, как его охватывали тоска и скука. Хотелось чего-то ещё большего. Может быть, ему не хватало реальных ощущений от всех этих приключений на мониторе компьютера?

Впервые Евгений почувствовал это, когда играл в Doom. Его воображение до того раскрепостилось, что стало казаться: он на самом деле перенесся в волнующий мир фантастических событий, и, замирая, сдерживал дыхание и даже вытягивал шею, пытаясь заглянуть за какой-нибудь угол, где, возможно, притаился его неприятель. Он начисто забывал, что этот угол нарисован компьютерной программой, а всё происходящее – всего лишь игра, в которой не последнее значение имеет ловкость пальцев, стучащих по клавиатуре и управляющих мышью. Но когда противник смертельно ранил его в спину, он закричал и, отчаянно хватаясь за жизнь, с недоумением смотрел на монитор, который заливала волна ярко-алой крови. Там, по ту сторону экрана, он уже не существовал, а тут, в уютной и теплой комнате, освещенной мягким светом настольной лампы, он оставался живым, и неплотно закрытую форточку вдруг распахнул порыв ветра, и несколько снежинок упало на его разгоряченный лоб...

Его волновала и притягивала магия игры. Может быть, потому что Евгений мало играл в детстве. Мать постоянно кутала его в кофты и теплые шарфы, но он всё равно умудрялся простывать, и, сидя у окна, с завистью следил, как во дворе разгорается очередная «войнушка», и как мальчишки копают в сугробе лабиринты или воздвигают снежную бабу.

В отличие от своих сверстников он много читал, и, обмирая над страницами Виктора Гюго или Вальтера Скотта, представлял себя на месте их отважных героев, и, когда роман заканчивался, с нескрываемым сожалением переворачивал его последнюю страницу. Но в их домашней библиотеке всегда находились другие книги, в некоторых из которых иллюстрации были прикрыты прозрачной папиросной бумагой. Она, как туман, делала картинки загадочными, неясными, наполненными предчувствием тайны. И он с трепетом отдувал шуршащий лист, и восхищенному взору являлась какая-нибудь сцена из старинной дворцовой жизни, или мощные булыжником улочки какого-нибудь средневекового города, или пир рыцарей в замке короля Артура, или красотики, кокетничающие с галантными кавалерами. И Женя мысленно ступал на эти серые камни, нагретые солнцем Фландрии, и вдыхал приторные запахи таверны, и с изумлением следил за битвой Дон Кихота с ветряными мельницами...

Развитое воображение позволило ему сразу же освоиться в The Sims – симуляторе жизни, придуманном американцами. Он вошел в этот виртуальный мегаполис, получил пособие по безработице и поселился в старом трейлере, который быстро обставил ещё вполне недурственной мебелью, найденной на свалках. Работу подыскал тоже быстро, причем не абы какую, а приличную, для чего пришлось пройти придиричьи тесты. Но они для Жени были сущей ерундой, потому как, во – первых, за его плечами – приличный экономический вуз, а во-вторых, путешествуя по Интернету, он много каких тестов навидался и наreshался. Работа в виртуальной компьютерной фирме принесла достаток, он уверенно поднимался по служебной лестнице, купил настоящий двухэтажный дом с бассейном и садом, а трейлер, в котором начал жизнь в этом мегаполисе, поставил под куст акации и развел в нем кроликов. У него появилась жена, дети: один мальчик и одна девочка. И если бы не какой-то смертельно опасный вирус, то так бы они и жили счастливо в том маленьком волшебном мирке. Но вирус сначала убил жену, переметнулся на дочку, и на её лечение пришлось потратить целое состояние. А причина-то была, оказывается, в тех самых кроликах, которых он разводил в трейлере. Это они распространяли злобный вирус. Но Женя догадался об этом поздно, а, догадавшись, махнул рукой и вышел из The Sims насовсем.

К этому времени он уже знал две философии жизни: самосовершенствование и успех. Последнее заставляет человека думать, что у него всего мало, и в этом виноват весь окружающий мир: туда не пускают, этого не дают, то запрещают, это отнимают, и кислород перекрывают, и никакой тебе свободы... Если даже у этого человека будет вилла на берегу Средиземного моря, кругленький счет в швейцарском банке, автомобиль самой крутой марки и гарем, состоящий сплошь из топ-моделей, ему всё равно не перестанут мерещиться королевский замок, сокровищница Великого Могола, принцессы из европейских династий, хрустальные унитазы с крышками из платины. В общем, это как та пушкинская старуха, которая жаждала все большего успеха, и, пресытившись, возмечтала стать морской царицей. Финал известен.

Самосовершенствование, по мнению Евгения, – это, в принципе, не так сложно, как о том писали Лев Толстой или Рабидранат Тагор, или кто там ещё такой же умный. Это проще. Ну, когда утром смотришь на себя в зеркало, видишь опухшую с похмелья рожу и, качая головой, говоришь: «Ё-моё! Братишка, как же ты дошел до жизни такой, а? Вместо того, чтобы работать, сделать что-то полезное и достойное, ты водку хлещешь. Ну, и кто виноват, что у тебя ничего не получается? Ты сам и виноват! А водку тебя, говнюка, кто заставлял пить? Сам и пил! Давай-ка, братишка, очухивайся и принимайся за работу. Хватит филонить!» Вот примерно это Евгений и считал самосовершенствованием. В пределах The Sims ему, однако, пришлось добиваться успеха, успеха и успеха, что, в конце концов, порядком ему наскучило.

После «симулятора жизни» ему больше всего понравилось сидеть в чатах, телеконференциях, на досках объявлений. Физически его в Сети не было, вместо него там обитал его образ, и он мог подать себя, как хотел – приукрасить внешность, изменить биографию, добавить утонченности вкусов и образованности, используя какие-нибудь электронные «шпаргалки». Он знал, что и другие ники ведут себя соответственно, и не обольщался надеждой встретить кого-то, кто разрушит барьер между реальностью и зазеркалем. Но втайне, конечно, об этом мечтал.

Когда Она прислала ему первое электронное письмо – от своего настоящего имени, он вдруг понял: вот он, шанс соединить мечту и действительность! В виртуале Она мало чем отличалась от себя реальной: те же искренние интонации, гибкий ум, романтичность, одиночество. Но он-то выступал в чате под ником Сверчка: эдакий непоседа, старичок-говорун, любящий уют и теплую осеннюю погоду.

В письмах ему захотелось стать самим собой, и он не стеснялся рассказывать о своих проблемах, затянувшейся холостяцкой жизни, работе, которая большого вдохновения не требует, но зато кормит. И ещё он вообразил, что влюблен в Неё, и сочинял страстные послания, стихи, украшал свои тексты цитатами из Пушкина, Лермонтова, Ходасевича, Мандельштама. Она отвечала ему трогательными записочками, которые, казалось, пахли альпийскими фиалками и первым весенним дождем.

Евгений никому не говорил об одном, быть может, незначительном эпизоде, который случился в аэропорту. Когда он взял Её руку, то его будто бы легонько стукнуло током, на какое-то мгновение в глазах потемнело, и он с удивлением подумал о том, что эта земная женщина что-то делает не так, не по правилам: они для неё не существуют. И не случайно Она первой потянулась губами к нему. А ведь, по его понятиям, это он должен был играть активную роль.

Евгений сдержал слово: никому не рассказал о встрече в аэропорту. Его друзья, хотя и знали о ней, но сами ничего не видели и не слышали, и сколько не расспрашивали его – что, мол, да как, – он загадочно улыбался и молчал. Но ему надо было выговориться, хоть как-то выплеснуть накопившиеся эмоции, в конце концов, похвастаться столь необычной историей – и он доверил её бумаге.

– Женя, – позвала его мама. – Там с работы тебе звонят... Подойди к телефону!

– Я в отпуске...

– А у вас что-то по бартеру дают, – сказала мать. – Может, подойдешь, узнаешь, что именно?

Оказывается, цветочный салон, компьютеры которого обслуживала родная фирма Евгения, предложил роскошные букеты желтых роз, и почти даром. Видно, вся эта красота грозила вот-вот увянуть, невостребованная посетителями «Евро-Букета». Там умели составлять искусные букеты и композиции. В них даже какая-нибудь обычная сухая ветка или метелка полыни выглядели дивной экзотикой. Однако и стоил такой букетик прилично!

– Есть кому дарить цветы? – спросили Евгения. – А может, поставишь этот букет в своей квартире?

– Да, конечно! – ответил Евгений. – Запишите один букет на меня. Кстати, посыльный салона может доставить его по адресу?

– Без проблем! Твоя фамилия будет в списке, список – в салоне, так что позвони завтра и назови адрес сам...

Ему некому было дарить цветы. Но он вспомнил Кисулю, которая на днях вздыхала в чате по поводу маленьких радостей. Она недоумевала, почему люди разучились их делать друг для друга просто так, бескорыстно, от чистого сердца.

Кисулю возмутил один молодой человек. Он подарил ей на 8 марта три гвоздики, а через несколько дней, встретив в институте, предложил:

– У меня родители уехали на пару дней. Приходи ко мне сегодня вечером...

– Ты что! За кого ты меня принимаешь? – рассердилась Кисуля. И даже ножкой топнула.  
– А зачем тогда цветы брала? – изумился этот молодой человек. – Их просто так ни один дурак не дарит...

Но Дьяволенок решил послать ей розы из «Евро-Букета» просто так. Ему нравилась эта хорошенькая, искренняя и, судя по всему, чистая девушка. Он её никогда не видел в жизни, как, впрочем, и она – его, но, согласно её теории маленьких радостей, личное знакомство в данном случае вовсе не обязательно: добро ходит по кругу, не требуя визитных карточек.

4.

Николай Владимирович с интересом наблюдал, как Покойник с достоинством прошел по комнате и решительно уселся за стойку бара, потребовав себе кружку светлого пива.

– На том свете от алкогольных напитков тебя ещё не отучили? – ехидно поинтересовался Ди-Джей.

– Фууу! Какое амбрэ! – зажала носик Дарлинг. – Хоть бы освежитель воздуха с собой носил!

– Всё – тлен, – изрек Покойник. – И ты, кошачий корм, тоже тлен.

– Но-но! Попрошу без оскорблений, – надулась Дарлинг. – Мой ник никак не связан с кормом «Дарлинг». Я сама по себе – дарлинг: дорогая, дражайшая и тэ дэ...

– А че тебе не лежит в могилке, Покойник? – поинтересовался Синьор Помидор. – Ходишь тут, народ пугаешь!

– Мне приятно посидеть в кругу потенциальных обитателей могилки, – ласково улыбнулся Покойник, отхлебывая пиво. – Разве ты не знаешь, коллега, что человек, появившись на этот свет, тут же начинает свой путь к смерти?

– Ну и тема у вас! – пискнула вошедшая в чат Женюлька. – Ничего лучше не нашли для обсуждения?

– Женюлька-красотулька! – воскликнул Синьор Помидор. – Почему на чатовки не проходишь? Скучаю по твоей улыбке!

– Папа с мамой не пускают, – пожаловалась Женюлька. – Сиди, говорят, дома и готовься к вступительным экзаменам в институт...

– А ты им скажи, чтоходишь на вечерние подготовительные курсы! – подсказал Ди-Джей. – И это будет истинная правда. Уж Синьор Помидор постарается подготовить тебя к жизни институтки, гыгыгыгы!

– Женюля, учеба – свет, – Покойник вздохнул. – Но отчего ж вокруг такая тьма?

– А это потому, что твою могилку ещё не электрифицировали, – сказал Синьор Помидор. – Не додумались на том свете до лампочек Ильича!

– Откуда тебе, юноша, знать, до чего там додумались или не додумались? – усмехнулся Покойник. – Жизнь – это маленькая смерть, а смерть – большая жизнь...

– Фу на вас! – рассердилась Женюлька. – Думаете, всем приятны эти загробные темы? Покойник, ты бы ник сменил, что ли?

– Не могу, – Покойник слабо улыбнулся. – Я на самом деле покойник...

– Приходи на чатовку, – предложил Ди-Джей. – Мы в тебя вольем живой воды под условным названием «Русская водка» – и ты воспрянешь, оживешь!

– Бывал я, бывал на ваших чатках, – Покойник пренебрежительно махнул рукой. – Там и скучно, и грустно, и некому руку подать...

Николай Владимирович был полностью согласен с этим утверждением Покойника.

Раз в неделю, обычно по пятницам, участники чата собирались в трактире, который местный пивоваренный завод открыл в центре Ха на первом этаже старинного особняка. Все-знающие краеведы утверждали, что до октябрьского переворота тут была гостиница «Русь»

с номерами, на окнах которых висели бархатные яркого гранатового цвета ламбрекены с золотыми позументами. На стенных дубовых панелях перемежались пасторали кисти неизвестного автора и копии миниатюр Ватто. Над окнами в букетах аляповатых роз резвились гипсовые амурчики.

Номера здесь снимали расфранченные ловеласы, в потолки били пробки от шампанского, и стены окроплялись его брызгами, и смеялись грудным смехом соблазняемые курсистки, а уже соблазненные матроны, являвшиеся сюда в вуалях, молчаливо и сосредоточенно предавались греховным наслаждениям. Добропорядочные горожане, впрочем, тоже посещали это заведение, которое славилось своей ресторацией: тут подавали рябчиков, сохатину, заливную калугу под нежным французским соусом, но гурманы предпочитали устриц, осьминогов, морских раков, креветок и мясо каких-то неведомых ракушек, которые доставлялись из соседнего Китая.

Экзотические блюда готовил веселый и хитроватый повар Лян. Местные кухарки с ужасом и восторгом нащёптывали друг другу, что он владеет острым ножом столь ловко, что, не глядя, молниеносно шинкует зелень, рубит мясо тонкими и длинными, как лапша, кусочками – чуть промахнись и точно без пальца останешься. Ну, не иначе этот хунхуз прежде был разбойником!

В раскаленных сковородах вечно шипело масло, из котлов струился ароматный пар, а на открытом огне тушки каких-то птиц и мелких зверьков покрывались ровной золотистой корочкой. Народная молва гласила, что Лян не брезгует голубями, кошками, собаками, крысами и даже, прости господи, лягушками и змеями. Ценители кулинарных способностей китайца, впрочем, не стремились испытывать его секреты, они предпочитали наслаждаться его искусством.

Но теперь в трактире ничто не напоминало о кулинару Ляне. Пиво тут наливали из бутылок, пластиковых полутора литровых бутылей и больших кег. Из закусок были квадратные пельмени, сваренные без затей в чуть подсоленной кипятке, а также фисташки, арахис, вяленая корюшка и сушеный кальмар. Публику это, впрочем, вполне устраивало. Здесь собиралась в основном молодежь, причем, небогатая, предпочитающая не напиваться и обжираться, а общаться. Причем, чаще всего это был какой-нибудь стёб, обычное зубоскальство:

- О, смотри Деми пришла! Ну и жиртрест....
- Каждая женщина, даже Деми, достойна секса, а некоторые — даже не один раз...
- Да ну её! Она же своим потом умоет, и орёт, наверно, так, что всех соседей перебудит...
- «Не так я вас любил, как вы стонали»! Гы-гы!
- Тебе бы всё лыбиться...
- Жизнь так коротка, потерпи чуть-чуть...
- Когда мужчине плохо, он ищет женщину, а когда хорошо, – ищет ещё одну.
- Ага! Типа Деми... Для разнообразия. Гы-гы!

Чатовцы, избрав трактир местом встреч, поначалу стремились сюда, чтобы удовлетворить свое любопытство: интересно ведь посмотреть на реальных людей, скрывающихся за какими-нибудь фантастическими никами. Но, во-первых, некоторые из любителей виртуального общения не желали тут показываться, считая, что ники для того и существуют, чтобы отделиться от прозы обыденной жизни, и ни за какие коврижки не соглашались показать свое истинное лицо. Во-вторых, тех, кто все-таки решился на общение в трактире, ничто, кроме диалогов в чате, не связывало, и выяснилось, что остроумный говорун на самом деле может оказаться скучным молчуном, а какая-нибудь прекрасная красотка – обыкновенной намалеванной куколкой, озабоченной прыщиками на лбу. Порой всё общение сводилось к пересказыванию разговоров в чате, восторгам по поводу каких-нибудь удачных реплик, а когда говорить было не о чем, – травились всякие байки и анекдоты, большинство которых было известно по специальным ежедневным рассылкам портала «Омен. Ру».



Юным мальчикам и девочкам эта тусовка, может быть, и нравилась. Но тем, кто был старше, не хотелось тратить время на пустопорожние разговоры и зубоскальство. И если они сюда заходили, то ради кружки-другой свежего пива или для предметного, делового разговора: большинство так или иначе были связаны с компьютерами, им требовались новые программы, «железо», какие-нибудь микрочипы – вот и обменивались между собой всем этим добром.

Николай Владимирович выбирал в чате какой-нибудь интересный ник и назначал встречу его носителю не в трактире, а в кафе «Руслан». Там было чище, спокойнее и малолюдней. То же самое пиво стоило здесь несколько дороже, но материальный вопрос графа уже давно не заботил.

В лаборатории, которая, по слухам, финансировалась чуть ли ФСБ, он получал вполне приличную зарплату. Впрочем, внешне это было обычное научно-исследовательское учреждение, на котором висела вывеска известного академического института. Но после того, как одну из комнат лаборатории занял в одночасье ставший знаменитым доктор Чжен, по Ха поползли слухи: там, мол, приручают так называемые биополя и занимаются какими-то чудовищными опытами.

Доктор Чжен в семидесятые годы, в самый разгар «культурной революции», умудрился сбежать из маоистского Китая. Как он перешел границу, которую с той и с другой стороны охраняли как зеницу ока, – это самая настоящая загадка. Ещё таинственней было то, что его, по обычаю тех лет, не депортировали в сопредельную страну, а отправили сначала на поселение в один из самых глухих леспромхозов, где днем Чжен валил лес, а вечерами лечил окрестный хворый люд. Он делал это с помощью серебряных иголок, которые втыкал в определенные точки на теле.

Тогда об акупунктуре не имели понятия даже профессиональные медики, и сначала Чжена объявили шарлатаном и запретили ему лечить народ. Но однажды в тот леспромхоз прилетел вертолет, и люди в военной форме посадили в него лекаря-китайца. Говорят, что он за две недели поставил на ноги какого-то высокого чиновника краевого масштаба, которого после инфаркта чуть ли не паралич разбил.

Возможно, это была одна из легенд, окружавших имя доктора Чжена, но, скорее всего, – истинная правда. Потому что без тайных покровителей он навряд ли нашел бы денег, чтобы купить в самом центре Ха крепкий двухэтажный домик, окруженный уютным садиком, и, скорее всего, намучился бы с подтверждением своего высшего медицинского образования, полученного в Шеньяне, и, поскольку в те годы частная врачебная практика не особо приветствовалась, он потратил бы годы, чтобы добиться разрешения на неё, а тут – пожалуйста, на дверях дома вскоре появилась вывеска: «Восточная иглорефлексотерапия. Официально практикующий доктор».

Подвал своего дома доктор Чжен разгородил на две половины, и в каждой построил странные сферические конструкции, покрытые серебристым металлом и опутанные бесчисленными медными проводами и трубочками. После праведных трудов на ниве иглоукалывания он спускался в подвал и, хотя во всем доме был один-единешенек, запирался изнутри на замок и задвигал крепкий стальной засов. Что он там делал – это тоже до поры-до времени было тайной.

Между тем, любопытные граждане стали замечать, что в саду доктора Чжена творятся чудеса: на яблонях зреют диковинные плоды, напоминающие формой дыни, смородина была похожа на крыжовник, а на стеблях кукурузы красовались пучки золотистых початков наподобие фантастически огромных колосьев пшеницы. В небольшом вольере, примыкавшем к сараю, резвились цыплята, но при ближайшем рассмотрении выяснялось, что это, скорее, утята: на это ясно указывали их перепончатые лапки, плоские носы, а также склонность плескаться в корыте с водой. В двух больших клетках сидели пушистые белые кролики, и тоже

необыкновенные: ближе к затылку, там, где начинались их длинные уши, торчали самые настоящие козлиные рожки!

Ха наполнился слухами. Некоторые сплетники утверждали, что доктор Чжен пошел дальше Мичурина: тот колдовал над растениями, а этот умудряется скрещивать породы разных животных, чего, по всем законам биологии, просто не может быть. Очевидцы утверждали, что однажды в диковинный сад китайца выбежал огромный кабан и с диким ревом кинулся на забор. Чжен вышел на крыльцо, спокойно посмотрел на хрюка и, протянув в его сторону руку, что-то резко и отрывисто сказал. Кабан моментально успокоился и покорно подошел к крыльцу. Случайные очевидцы сего происшествия клялись и божились, что по ступенькам он взбирался как человек, держась передними копытами за перила.

Вскоре в одной из городских газет появилось интервью с доктором Чженом. Он утверждал, что открыл секрет биополя, которое на самом деле представляет собой не что иное, как специфические излучения в СВЧ-диапазоне. Если изловчиться и поймать их на специальный приемник, то на нем, как на экране телевизора, появится не просто изображение, а как бы точная копия организма. Если таким приемником будет живое биологическое существо, то оно, выражаясь понятным языком, вберет в себя передаваемую информацию и приобретет новые черты.

Для наглядности доктор Чжен продемонстрировал своих куроуток. Оказывается, яйца обычных кур он каким-то образом умудрился облучить биополем утки. В результате на свет божий явились странные цыплята с перепонками на лапках и утиными носами.

И чудеса в его саду тоже объяснялись целенаправленным воздействием биополей одних культур на другие. А насчет кабана, перепугавшего своим ревом жителей окрестных домов, китаец в интервью корреспонденту сказал следующее: «Что такое секрет вечной молодости графа Калиостро? Это энергия ци – так её именовали китайские мудрецы. Европейцы знают систему боевого искусства цигун, но они не знают, что ци – это основа всего, и тот, кто овладеет этой энергией, получит эликсир вечной молодости. У меня пока его нет. Но я умею сбрасывать все болезни и хвори на живой приемник, которым стал мой кабан. Более того, поскольку биологические структуры этого животного близки человеческим, то его органы можно использовать для оздоровления: допустим, у вас больная печень – её можно вылечить биоизлучениями здоровой печени поросёнка. При этом его печень впитает в себя нездоровые излучения человеческой. Это называется биоэнергетическим обменом. И ничего загадочного в этом нет. Все знают, допустим, что кошки умеют снимать стрессы своих хозяев. Как это происходит? Очень просто: кошки забирают отрицательную энергию себе...»

Прочитав это интервью, Николай Владимирович развеселился. Хитроумный китаец, не желая рассказывать об истинном смысле своих опытов, выглядел эдаким таинственным современным алхимиком. То, что он плел насчет всяких биополей и их влияния друг на друга, наверняка удивило людей, далеких от науки, но специалисту было понятно, что доктор Чжен либо что-то недоговаривает, либо он всего-навсего шарлатан, который, занимаясь доморощенной гонимой инженерией, выдает её за нечто большее.

Впрочем, навряд ли он был обманщиком: в свои шестьдесят пять лет китаец выглядел свежим тридцатилетним мужчиной, и его глубокие темные глаза полыхали живым огнем, а походка была легка и стремительна, – всё это наводило на мысль о том, что он что-то такое проделывает с собой. И это отнюдь не банальная хирургическая подтяжка одряхлевших мышц.

Николай Владимирович так же, как и доктор Чжен, обнаружил странные, ни на что не похожие СВЧ-излучения живых организмов. Картина складывалась загадочная: тело человека, будто сито, покрыто сотнями точек, излучающих слабые волны, но ими управляла некая сила, местонахождение которой не мог зафиксировать ни один самый чувствительный прибор.

И, как это часто бывает в науке, помог случай. Однажды Николай Владимирович, засидевшись в лаборатории до полуночи, так зверски захотел есть, что, не долго думая, решил сва-

рить подопытного цыпленка. Забыв отключить от него датчики, он без всякой жалости перерезал цыпешке горло: брызнула кровь, птица забилась в его руках, и вдруг прибор «поймал» мощный сигнал. На специально сконструированном экране вместо привычных синусоид забилось изображение, напоминавшее головастого малька. И, самое поразительное, эта рыбка вдруг начала испускать лихорадочные сигналы, в точности копировавшие обычные биоизлучения цыплёнка.

Николай Владимирович не растерялся и умудрился переместить этот сгусток энергии в специальный приемник. Он несколько дней не выходил из лаборатории, и напоминал сумасшедшего: глаза горели сухим жаром, скулы заострились, с губ срывались какое-то бессмысленное бормотанье, а всклокоченные волосы и порывистые движения почти убедили его коллег, что он тронулся умом.

Но однажды утром Николай Владимирович вышел в коридор, как всегда, аккуратно причесанный, чисто выбритый, с ироничной улыбкой на чувственно пухлых губах. Он вальяжно подошел к лаборантам, курившим у окна, и простодушно развел руками: «Заработался я, братцы. Даже за куревом некогда было сбегать. Одолжите сигарету...» И, прикуривая её от кем-то предупредительно поднесенной зажигалки, неожиданно хмыкнул, игриво подмигнул сразу всем и произнес в пространство: " А душа, братцы, существует-таки! Я это теперь знаю наверняка! » И, попыхивая халявной сигаретой, пошел прочь, мурлыкая себе под нос какую-то незатейливую мелодию, вроде как даже «Чижик-пыжик».

А у доктора Чжена вскоре после интервью, сделавшего его знаменитым, начались неприятности. Его дом, оказывается, стоял в полосе застройки, и мэрия настаивала на немедленном переезде Чжена в квартиру, выделенную ему в одном из самых престижных домов Ха. Не только дом, но и чудесный садик подлежал сносу, и сколько не убеждал доктор власти, что таким образом будет уничтожен уникальный научный материал, никто и слушать ничего не хотел. Правда, градоначальник взамен предложил ему довольно большой участок земли за городом, где ученый мог бы продолжить свои опыты. Позаботились и о том, чтобы китаец перевез свое оборудование в тот институт, где работал Николай Владимирович. Их лаборатории оказались рядышком, и они волей-неволей стали общаться.

Во всем этом виделась бы какая-то случайность, если бы не было известно, что любая случайность – проявление общих закономерностей, тем более в России, где ничего не происходит просто так.

И тут стоит сказать, что Николай Владимирович сообщал коллегам, что заинтересовался Интернетом совершенно случайно. Как-то зашел к компьютерщикам в соседний отдел, чтобы попросить их отослать письмо электронной почтой. Как это делается, он до того и понятия не имел. Просто отдавал им лист бумаги с готовым текстом и уходил.

Он полагал, что электронная почта – это что-то вроде телеграфа: оператор наберет текст и отправит его по каналам связи, а что и как при этом происходит – его не интересовало. А тут на экране монитора он вдруг увидел необычный текст, похожий на пьесу: действующие лица вели диалоги, людей было много, и как они успевали перебрасываться фразами друг с другом – это было просто загадкой.

– Я чатюсь, – объяснил компьютерщик Володя. – Болтаю о том – о сём, а в общем – ни о чем... Снимаю дневное напряжение. Такие разговорчики помогают расслабиться...

– И ты знаешь всех этих людей? – удивился Николай Владимирович. – Их не меньше тридцати! У тебя, оказывается, полным-полно знакомых. А я-то считал, что ты днюешь и ночуешь за компьютером, и тебе не до общения...

– Нет, в реале я вообще ни с кем из них не знаком, да и зачем их знать в лицо? – Володя пожал плечами. – Виртуал – это одно, а реал – другое. И я стараюсь их не смешивать. Пиво люблю реальное с друзьями не виртуальными!

Николаю Владимировичу тоже захотелось поговорить с кем-нибудь в чате. И попробовав раз, он так пристрастился к такого рода общению, что вскоре попросил свое начальство оборудовать лабораторию компьютерной техникой и открыть доступ в Интернет.

Со стороны могло показаться, что он совершенно случайно заинтересовался чатами. Сам Николай Владимирович объяснял свою страсть к виртуальному общению тем, что оно снимает напряжение, позволяет расслабиться, самовыразиться, найти интересных собеседников. Но на самом деле он искал на безбрежных виртуальных пространствах людей, которые мечтали что-то изменить в своей судьбе, или вообще сами не знали, чего хотели, или, напротив, хотели чего-то конкретного, но их возможности были слишком малы и ограничены.

Так он познакомился с Привидением, которого на самом деле звали Александром. Он преподавал культурологию в педагогическом колледже, увлекался разными эзотерическими учениями и мечтал о том, чтобы судьба свела его с чем-нибудь неведомым, и мир открылся бы ему с неожиданной, тайной стороны.

– А не испугаешься? – по губам графа Грея скользнула лукавая усмешка.

– Было б чего пугаться! – самонадеянно ответил Привидение.

– И не пожалеешь ни о чем?

– Чего жалеть? Эту скуку и тоску? – задиристо ответил Привидение. – Или эту жизнь, в которой никогда и ничего значительного не случится? Ну, разве что когда-нибудь профессором стану. Так этих профессоров тьма тьмущая расплодилась...

– А позволь поинтересоваться, почему у тебя такое имя – Привидение?

– А нынче умные люди – это всё равно, что привидения: все о них говорят, но никто вблизи не видел...

– Ты считаешь себя умным?

– Я достаточно глуп, и потому утверждаю, что кое-что всё-таки знаю.

– Ну, значит, тебе ещё расти и расти до мудрецов, которые знают, что ничего не знают, – усмехнулся граф Грей.

– Многие знания – многие печали, – Александр иронично пожал плечами. – Я пока не печалюсь ни о чем, и мне хочется знать как можно больше. Я не боюсь знания!

– И не бойшся последствий потрясения знанием?

– Вот еще!

– Хорошо, – Николай Владимирович вздохнул и нахмурился. – Ты, видимо, не знаешь историю личной жизни философа Раймунда Луллия?

– Я вообще такого философа не знаю...

– Он не относится к столпам, поддерживающим фундаментальные своды философии, – Николай Владимирович закурил и пустил кольцо дыма в потолок. – Раймунд Луллий – это, скорее, эдакий прихотливый завиток в орнаменте на фронтоне монументального здания. Впрочем, к чему определения? Вот его история. Он обожал одну знатную даму, но она постоянно отказывала ему в свидании. И тогда он пустился в долгие, опасные странствия, чтобы забыть о даме своего сердца и утихомирить страсть. Но любовь оказалась выше его рассудка. И вернувшись обратно, он добился-таки встречи с возлюбленной. Дама, не говоря ни слова, обнажила свою грудь. И он увидел жуткие, кровоточащие язвы. Красавица была больна раком. Каким-то чудом лишь лицо оставалось чистым и свежим, а все тело было изуродовано метастазами. Сказать, что Луллий был потрясён – значит, ничего не сказать. Вся его жизнь изменилась напрочь. Он задумался о душе и теле, их парадоксах и занялся, в конце концов, теологией. В историю он вошел как один из величайших церковных миссионеров...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.